

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ТВОРЧЕСТВА

Творчество как основополагающая специфически гуманистическая (антропоцентрическая) категория философии, психологии и культуры представляет значительную сложность для изучения процесса его осуществления с применением классических методов научного познания.

В самом деле, отсутствие четкой дефиниции понятия творчества, многообразие конкретных значений, составляющих его понятие, наличие объективных затруднений в определении дистинктивных границ самого понятия в совокупности с интуитивно, на обывательском уровне, общедоступным смыслом слова, а также, неуловимая, способная к бесконечным трансформациям, подвижная и вечно ускользающая сущность творчества значительно затрудняет процесс его объективного, глубокого и всестороннего изучения.

Изучение феномена творчества также осложняется амбивалентным характером его природы, обусловленным явленностью феномена творчества в обеих основных конкурирующих сферах проявления человеческого духа (идеальное-материальное, сознательное-бессознательное). Вышеуказанное обстоятельство исключает однозначное толкование понятия творчества в терминах как полностью рационального, так и – исключительно чувственного. То есть, крайняя неопределённость понятия творчества и разнородность составляющих его значений, с одной стороны, помноженная, с другой, на устоявшийся интуитивно-обывательский дискурс творчества, создаёт устойчивую контаминацию, значительно усложняющую выработку научного определения явления, чей предмет явственно понятен и почти физически ощутим, но мало способен к определению в терминах строгого вербального и уж тем более – научного – выражения.

В самом деле, даже малая проработанность в русском языке терминологии, связанной с осуществлением творческого акта, свидетельствует о крайне скудной научной разработанности концепта творчества и смежных понятий.

Так, уже использование терминов «творец» и «создатель» для обозначения субъекта творчества несут иррелевантный и излишний отпечаток религиозного происхождения изначального термина. И этот явственно ощутимый коннотат религии (а именно – доктрины креационизма), давшей исток образованию соответствующих понятий, теперь используемых в совершенно иных, специфически секуляризованных целях, пока что не позволяет избежать неуместных сплетений и столкновений оттенков смыслов, затрудняя выделение именно

гуманистического, специфически антропоцентрического аспекта значения искомого понятия.

Второй момент недостаточной рациональной проработанности «творческого глоссария» в русском языке (а возможно, как раз подспудной соотнесённости его понятий со сферой бессознательного) связан с определением готового результата творческого процесса. Мы называем его «творческим произведением (произведением творчества или искусства)», тогда как в других языках речь идёт преимущественно о «творческом продукте», то есть результате творческой деятельности человека, предназначенном для потребления человеком, что представляется гораздо более предпочтительным и соответствующим природе творчества концептом.

Помимо этого термин «произведение» слишком отчетливо и недопустимо перекликается со смыслом и основной функцией человеческого сознания – «произведением» реальности определённого типа, так называемой объективной реальности, «данной нам в ощущениях». И в этой связи русский язык наделяет результат творческой деятельности ещё одним не вполне корректным и нежелательным коннотативным значением: термин «произведение» подразумевает именно произведение сознанием (в контексте основной функции последнего), то есть постулируется примат именно сознательной компоненты в создании творческого продукта, его произведение, то есть, производство сознанием. Последнее глубоко противоречит сущности классической четырёхчастной [1, с. 316] модели творческого процесса, основной созидательный этап которой принадлежит именно бессознательным стадиям (инкубации и инсайту), тогда как производящему сознанию отводится вполне адекватная и соответствующая роль постановщика задачи и обработчика результата, полученного из бессознательного в виде вспышки моментального озарения решением. Озарения *бессознательным* решением.

Большинство исследователей согласны, что деятельностный компонент творчества имеет решающее предметно-практическое значение при определении значения этого слова. Но речь идёт именно о рациональном значении. Тогда как понятие творчества, обладая вышеупомянутой амбивалентной природой, имеет весьма незначительное отношение к деятельности человека как субъекта каких бы то ни было общественных отношений. Более того, понятие творчества может скорее быть определено через визионерский аспект, в терминах рефлексии, самопогружения и исследования собственного внутреннего мира, представляющего для творчества не меньший, если не больший интерес, и подлинную сокровищницу сюжетов и тем. Деятельность же по освоению внутренних пространств и ресурсов, в силу сложного и исключительно личного характера, сама по себе (вне области её результата) интересует социум и просто других людей очень мало.

И, тем не менее, не существует никаких сомнений в том, что деятельность человечества, направленная на созидание новых форм и сущностей, увеличивающая многообразие мира в процессе культурной

миграции, а также результат этой деятельности (неважно, материальный или идеальный) представляют пусть и объёмную, но вполне постижимую задачу для исследователей в части её определения. Нам вполне по силам ознакомиться с результатами творческой деятельности, проследить предпосылки и условия её осуществления, а также ознакомиться с конкретными обстоятельствами создания того или иного творческого результата (продукта). Гораздо более серьёзные сложности вызывают попытки углубиться в процесс непосредственного созидания, проникнуть в акт творения того, что некогда станет новым произведением. Рефлексию затрудняют как вышеупомянутые сложности языкового порядка, так и малая изученность источника творческого процесса – коллективного бессознательного. Следует также отметить объективную сложность саморефлексии, я бы сказал, метарефлексии (описать себя через себя) творчества, вызываемые её зеркальностью («зазеркальностью», – добавил бы Кэррол). Как только творец пытается описать происшедшее с ним непосредственно в момент созидания новой сущности, перед нами неизбежно возникает череда довольно размытых, избитых и не очень вразумительных околопоэтических метафор и тусклых зеркал: «вдохновение, муза, наитие, экстаз, драйв, божественная благодать». При этом ни один из этих образов не в состоянии хотя бы приблизительно и в самом общем виде описать даже малой толики сути происшедшего с творцом в момент творения. Эти слова, словно увядшая листва, по которой нам предлагается составить представление о буйной силе молодого дерева, способны лишь соотнести состояние с образом, ни в коей мере не претендуя на описание и, более того, – на научный анализ явления. Поэтому субъект исследования творчества вполне закономерно попадает в те же сети: когда ученый делает объектом своего исследования творчество, исходящее изнутри его самого, и пытается проникнуть внутрь сути (или, если угодно, в суть нутри) изучаемого объекта в попытке описать результат подобных постижений, необходимым условием успешной реализации его намерений станут подобные же малопригодные и столь же малопостижимые для науки метаявления, описываемые всё теми же невразумительными и бессодержательными словами. Ведь это примерно похоже на зеркало, тщетно пытающееся рассмотреть себя в другом зеркале. Поэтому лишь очень немногие ученые рискуют по-настоящему глубоко исследовать творчество, глядясь в бесконечность лабиринтов его зеркал. И совсем малому количеству удалось хоть сколько-нибудь продвинуться на этом пути. Потому что любой серьёзный исследователь творчества как такового (в том числе, и творчества другого человека) сам необходимо должен стать творцом. А быть творцом, – в определении классика, – значит испытывать собственную неопределённость. Вплоть до полного саморастворения.

Попробуем всё же рассмотреть понятие творчества в его современном прочтении, предполагающем выделение некоторого количества основных значений в составе понятия. Философская энциклопедия определяет творчество как «категорию философии, психологии и культуры,

выражающую собой важнейший смысл человеческой деятельности, состоящий в увеличении многообразия человеческого мира в процессе культурной миграции. Творчество – присущее индивиду иерархически структурированное единство способностей, которые определяют уровень и качество мыслительных процессов, направленных на приспособление к изменяющимся и неизвестным условиям в сенсомоторных, наглядных, оперативно-деятельностных и логико-теоретических формах. Творчество представляет собой также некоторый аспект развития личности, относящийся к переходу на высокий интеллектуальный уровень. Творческий индивид выделяется из популяции тем, что способен решать определенный круг постоянно возникающих задач с более высоким качеством за то же время. Люди творческого труда образуют социальную группу, функция которой состоит в решении специальных задач интеллектуального и духовного типа. Ряд культурных эпох отождествляют с предикатом «творческий» высокую социальную оценку. Последние годы термин «творчество» используется как обозначение некоторой гипотетической совокупности предметов психологического исследования. Ключевыми словами, относящимися к данной области, являются одаренность, оригинальность, фантазия, интуиция, воодушевление, техническое изобретение, научное открытие, произведение искусства. В целом термин «творчество» служит программным лозунгом, выполняющим стимулирующую и интегративную функцию в научном исследовании, но не достигшим строгости научного понятия. Многообразие его значений объемлет собой сферы личности, процесса и результата, причем часто без их ясного различия. Нет единства и в том, какими свойствами должна обладать личность, процесс и его продукт, чтобы получить название творческого, в каких условиях результат оценивается как творческий.

Относительно общепринятым является определение творчества как того, что некоторой группой с точки зрения системы ее ожиданий воспринимается как новое и тем самым модифицирует эту систему. В качестве предпосылок творчества рассматриваются повышенная восприимчивость, удовольствие от внезапной идеи и самостоятельность мышления. Под творчеством понимается обычно открытая система, готовая к восприятию целого горизонта альтернативных вариантов, который также имеет широкую палитру интерпретаций – от ограниченности «авантюрного мышления» (Ф. Берглет) до неопределенности «дивергентного мышления» (Дж. Гилфорд)» [2, с. 18].

Итак, творчество представляет собой:

- Процесс преобразования, увеличения многообразия человеческого мира путём созидания новых ценностей, составляющих содержание культуры (творчество как творение и культуuroобразующий феномен).
- Результат этого процесса в собирательном виде, в качестве совокупности творческих продуктов (творчество как наследие, совокупность работ).

- Как специфическую, так и неспецифическую деятельность, предполагающую задействование особенных способностей, присущих исключительно человеку и составляющих основу антропоидентичности.

- В атрибутивном смысле – уровень развития личности и наличие вышеупомянутых особенных способностей к творческой деятельности (креативность), которые, возможно, составляют основное отличие человечества как биологического вида от прочих видов, а также – от зарождающегося небиологического вида, обладающего искусственным интеллектом. В этом смысле творчество представляет собой способность к самоактуализации, реализации сущности (собственной ли, нет ли), которая необходимо должна быть реализована.

Подобная самоактуализация личности, предполагая «заряженность» субъекта творчества отложенной необходимостью реализации творческого потенциала, обуславливает определенное состояние сознания творца как состояние более частой пограничности в отношении дихотомии сознательного-бессознательного, чем того требует инстинкт самосохранения. В самом деле, возможность творческой самореализации предполагает задействование не только лишь созидательного начала человеческой природы (Эрос, пользуясь фрейдовской терминологией), но и начала разрушающего (Танатос), саморазрушающего, по преимуществу. Возможно, существование Танатоса необходимо, чтобы разорвать путы сознания, в первую очередь, обыденного, бытовая направленность которого сковывает творческий потенциал в человеке, не позволяя бессознательному явить себя в мир развёрнутого, объективированного сознания во всей полноте присущих бессознательному диковатых и причудливых образов, описываемых Юнгом как «архетипическое» из пространства мифологии.

Действительно, сознанию, как агенту, контролирующему и *осуществляющему* доступную нам в ощущениях реальность (если о последней можно вести речь как об объективной с большей или меньшей степенью допущения), свойственно сопротивляться появлению в ней реликтов бессознательного, наличие которых предполагает задействование более глубоких содержаний реальности, по сути, субстратов реальности более высокого порядка, не доступной инструментальности человеческого сознания.

То есть, суть творчества предполагает реализацию некоторых содержаний, находящихся *вне* человека, в общепринятом, сознательном дискурсе. Более того, подобные содержания противоречат сознанию, поскольку опровергают картину реальности, постулируемую, разворачиваемую и поддерживаемую им, и сознание противостоит и сопротивляется (противится) некоторым стремящимся актуализироваться в нём (рвущимся в него) бессознательным сущностям как опасным и разрушающим его и производимые им трансляции. В то же время сознание не способно успешно противостоять и полностью заблокировать все подобные самоактуализирующиеся бессознательные состояния, потому что бессознательное является комплексом (системой), первичным по отношению

к сознанию и гораздо более *витальным (жизненной)*, чем последнее. Но в случае с творчеством бессознательное зависит от сознания на стадии реализации собственных сущностей, потому что доступ последних в мир сознания допустим только на языке этого последнего, с учётом закономерностей, правил, ограничений и вообще узости этого последнего в сравнении с бессознательным. Явленность для содержаний бессознательного возможна лишь в контексте ограничения. Когнитивная деятельность также предполагает подобные отношения: определить неизвестное значит сузить его, свести к известному, меньшему по объёму. Явиться для бессознательного значит втиснуть собственную часть в узкие рамки (прокрустово ложе) сознания.

То есть, творчество, по своей сути, предполагает реализацию некоторого бессознательного содержания, находящегося либо внутри человека, но на уровне, не доступном для фиксации сознанием, либо проходящего через своего носителя транзитом из реальности бессознательного. Подобное содержание вводится в мир посредством человека-творца, имеющего уникальную в своём роде возможность быть субъектом двух разных взаимоисключающих реальностей (реальности сознательного и реальности бессознательного). Причем подобное содержание бывает некоторым образом закреплено за своим творцом и предназначено для введения в мир посредством именно этого человека.

В самом деле, так ли уж свободен творец в отношении создаваемого им? Думаю, если и так, то это верно лишь отчасти. Возможно, свобода справедлива в отношении выбора темы произведения, его планирования и компоновки в общем виде, его последующего редактирования. Но что касается собственно момента созидания – самого «творческого» и центрального в творческом процессе – здесь у любого непредубеждённого исследователя возникают большие сомнения относительно творческой свободы воли.

И речь здесь идёт о том, что подлинное содержание наших творческих озарений, равно как и их источник, с большой долей вероятности, имеет природу, условно говоря, отличную от природы нашего разума, и что уж точно – от природы нашего сознания.

Подобные гипотезы требуют дальнейшего исследования и нуждаются в доказательствах, чтобы претендовать на статус научно доказанных фактов. И это дело грядущих исследователей. Здесь же представляется целесообразным пояснить, что самый непостижимый, малоизученный и не слишком-то поддающийся объективному исследованию центральный момент творческого процесса – инсайт, момент переключивания готового творческого результата в виде полученного прометеява огня, пламени, извлеченного откуда-то из глубин собственного существа, – по всей видимости, представляет собой процесс полубессознательной передачи некоторого количества содержаний бессознательного сознательному, выведение его из мрака и тьмы неизречённой сущности в круг света фонарика сознания (пользуясь небезызвестной юнговской метафорой). Именно этот момент, составляющий

подлинный спот творчества как творения, момент созидания новой (с точки зрения сознания) сущности, и наделяющий творчество как деятельность поистине уникальным характером, отделяющим эту деятельность от всех прочих сознательных человеческих активностей, именно момент инсайта выделяет творчество в совершенно отдельную категорию, потому что он предполагает обоюдное задействование (а часто и смешение, выходом из которого для многих художников становится психиатричка) не только двух пластов психического, то есть глубинного в человеке, но и переплетение двух форм реальности – реальности сознания и реальности бессознательного. Речь об этом пойдёт чуть ниже.

Помимо амбивалентности творчества в плане созидания, в плане выражения и воздействия творчество также носит двойственный, обоудный или, что точнее, – мультиплицитный характер. Творчество вовлекает в собственную орбиту как своего создателя, так и потребителя (как автора, так и читателя). Являясь считываемым кодом бессознательного, произведение творчества, при приобщении к нему постороннего, открывается (считывается) этим посторонним только при условии совершения последним самостоятельного мини-творческого акта. Уже потребление творческого продукта предполагает совершение определённых, часто мучительных, усилий, требует достаточных энергозатрат, никогда не даётся с лёгкостью и походя. Считывать знаки бессознательного может лишь тот, кто сам способен обращаться к бессознательному в себе. Бессознательное, будучи некоторой совершенно необходимой средой существования человека (возможно, даже более необходимой и уж во всяком случае, гораздо более преимущественной и первичной, чем среда сознательного), может быть явлено, зафиксировано и прописано лишь посредством выхода из плоскости реальности сознания и обращения к универсуму бессознательного. Творцом – в большей степени, потребителем – в меньшей, но совершенно необходимой. Если пламя бессознательного было выхвачено творцом, схвачено и упаковано в контейнер творческого произведения, только тогда этот огонь может опалить другого. Кто приложит умения и силы, достаточные для извлечения этого огня из сосуда, тот окажется достоин нового явления бессознательного в этот мир. Возможно, вышеприведенное замечание кратко передаёт содержание мифа о похищении у богов огня Прометеем, тогда как в последующем коллективное бессознательное само будет претендовать на роль бога в человеке, внутри человека, около него, через и для него.

Чрезмерный, а порой и попросту мучительный характер усилий, необходимых как для создания творческого произведения, так и (в меньшей степени) для его прочтения обусловлен именно компенсаторной функцией, которую выполняет бессознательное при бодрствующем сознании человека. В самом деле, то, на что направлен фокус нашего внимания, становится предметом нашего ведания, ведения и заботы. Тем, чего мы не замечаем, ведаёт бессознательное. И ведаёт гораздо успешнее. «Совокупность психических явлений, состояний и действий, отсутствующих в сознании

человека, которые лежат вне сферы разума, неподотчётны ей и, по крайней мере, в настоящий момент не поддаются контролю, принадлежат бессознательному» [2, с. 128]. В самом деле, если бы мы беспрестанно задумывались о том, как дышать, как ходить, как переваривать пищу и обеспечивать все необходимые поддерживающиеся бессознательным физиологические процессы, мы бы давно перестали дышать, ходить и далее по списку.

Более того, бессознательное «включается» и приходит на помощь человеку, как только у последнего «гаснет свет», то есть выключается сознание и перестает производить так называемую «умопостигаемую и относительно управляемую «объективную» реальность». При этом бессознательное включается не с тем, чтобы показывать и давать понимать, но с тем, чтобы делать. То есть бессознательное, в отличие от сознания, функционирует не столько с тем, чтобы показывать человеку интерактивное кино, картинки которого можно просто смотреть, а можно и вмешиваться, изменяя и активно воздействуя на содержание просматриваемого, сколько призвано эффективно заботиться о человеке, выполняя реальные и эффективные действия с целью поддержания его выживания. Говорят же вот, что «пьяных Бог бережёт», и это верно в некотором смысле, но гораздо вернее будет назвать этого скрытого помощника не Богом, а бессознательным, и «помогать» человеку оно способно только до определённых пределов. Действительно, в моменты предельного напряжения мозга и ЦНС, которые приводят к перегреву и выключению сознания с остановкой производимой им реальности, включается куда как более объективная «реальность» бессознательного, которая до некоторых пор поддерживает и продлевает шансы человека выжить в условиях стресса, чрезмерного для организма.

По большому счёту, бессознательное никогда не выключается полностью, уходя лишь на второй план при бодрствующем и включенном сознании, но треть жизни, проводимая нами во сне, проходит именно в реальности бессознательного. Вышеупомянутая простейшая моторика тела контролируется тоже им. Бессознательным мы называем существующую самоорганизацию процессов внутри человека. Бессознательное есть некая движущая сила, аристотелевский *incitamentum*, первопричина, причина причин, заставляющая реальность разворачиваться в движении, создавая реальность, в том числе, доступную сознанию, и сворачиваться вновь в тугом клубке интенций, возможностей и следствий того, что происходило, происходит и только произойдёт в развернутом мире. Реальности бессознательного чужды категории времени или пространства, в себе она также отвергает и идею причинности. Реальность бессознательного – это всё, что было, есть и будет, это всё во всём, индийская плерома, пустота абсолютной наполненности несуществующими содержаниями, любое из которых может быть. К сожалению, возможности человеческого языка, в основном, ограничены границами сознания, если речь идёт не о языке образов, и инструментальная функция языка не позволяет в ясных терминах

описать то, что недоступно сознанию, и даже более – то, что в терминах сознания не может существовать.

По большому счёту, китайцы правы, предпосылая сознанию некий изъян, мешающий человеку достичь подлинной свободы и всемогущества. Сознание заслоняет от нас источник реальности гораздо более мощной, глубокой и достойной, погрузившись в которую можно обрести не только сверхспособности, но и вышеупомянутую полноту – настоящую слиянность с миром. Да, тогда человечество не сможет строить корабли для полётов в космос, но кто говорит, что летать можно только на кораблях? Суть бессознательного приоткрывает и, как знать, возможно, заключает в себе возможность построения совершенно новой реальности. Встроившись в которую, можно управлять и видоизменять т. наз. «объективную» реальность сознания, гораздо более вторичную и примитивную в сравнении с первой. Да, подобный процесс ещё описывается словом магия, но суть не в описании, а в том, что переключение реальности и перемещение с низшего на более высокий порядок создаёт возможности для управления реальностью низшего порядка без видимых в этой последней рычагов, инструментов и усилий. Живущие на Олимпе часто вмешиваются в судьбы живущих на земле, вмешательства эти большей частью бывают настолько же фатальны, насколько и незаметны для этих последних.

Проблема бессознательного в том, что оно не очень помещается в слова, не очень способно в них влезать, словно в тесные одежды, из которых давно вырос ребёнок. Бессознательное является гораздо более мощной, изоцрэнной и многообразной формой выстраивания реальности, нежели сознание.

Экстатический характер процесса созидания новых сущностей и введение их в мир был отмечен ещё в Древнем Мире. Древнеегипетские жрецы, фригийские и затем ионийские культы, по большому счёту, вся мифология мира есть не что иное, как попытка описать бессознательное, выписать его, попытаться вписать его в узкую и тесную реальность нашего сознания.

Что касается бессознательного, вопрос здесь может быть задан на уровне: является ли оно коллективным опытом человечества и в какой-то мере сущностью производной, либо же оно представляет собой самостоятельную первичную сущность, которая лишь определяла опыт последующего человечества, пополняясь этим опытом, если только можно вести речь о пополнении бесконечного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пуанкаре, Анри. О науке / Анри Пуанкаре ; пер. с фр. Т. Д. Блохинцева, А. С. Шибанов ; под ред. Л. С. Понтрягина. – М. : Наука, 1990. – 736 с.
2. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / сост. Стёпин В. В., Гусейнов А. А., Семигин Г. Ю., Огурцов А. П. – М. : Мысль, 2010. – Т. 4. – 736 с.
3. Психологія : підручник для студентів вищих навчальних закладів / за ред.: Ю. Л. Трофімова. – 6-е вид., стереотип. – Київ. : Либідь, 2008. – 558 с.